

МИР и ВОЙНА Федора Абрамова

(к 95-летию писателя)

Автор: Екатерина Неманова

2015 год объявлен в России годом литературы. Литература всегда играла важную роль в формировании культурного кода нации. Она давала живущим в данный момент людям точки отсчета в виде литературных героев, крылатых фраз, содержания подтекстов. Своеобразную оптику, через которую культурная часть человечества смотрела на современную ей действительность.

Культурный код — это то, как мы видим мир и понимаем друг друга. Книги, которые вошли в культурный код нации, оказались там неслучайно. Все они служат моделями поведения и миропонимания, на которые мы ориентируемся и которые востребованы в обществе.

Во многом культурный код похож на код генетический. Это программа жизни. Жизни народа, жизни культуры народа. Ее можно назвать и «идеями народа». Эта программа «прошита» в психике каждого человека, составляющего народ, и потому ее можно назвать также «коллективной психикой», или «душой народа». Культурный код оживляет народ и направляет всю его жизнь: жизнь народа — это реализация его идеи.

Культурный код и литература, во многом его формирующая, — явления, которые находятся на уровне менталитета нации, это достояние каждого, и не важно, врач ты, учитель или инженер. Именно поэтому на страницах «Медика Севера» мы хотим поговорить с вами о художественных произведениях и писателях, напрямую не связанных с медициной, но вошедших в золотой фонд национальной культуры.

Несомненно, что в транскрипцию нашего с вами культурного кода впечатаны также строки произведений северных писателей Степана Писахова, Бориса Шергина, Федора Абрамова. Через души писателей проходят тексты, которые впоследствии станут составляющими нашей национальной и культурной самоидентичности, именно поэтому нас интересуют не только творчество, но и жизнь великих людей. Те вехи их биографии, которые отразились в том или ином гениальном произведении: революция, эмиграция, гражданская война, репрессии, культ личности...

На творчество нашего земляка Федора Абрамова, которому в этом году исполняется 95 лет со дня рождения, большое влияние оказала Великая Отечественная война. Как мы знаем, Абрамов не был хроникером военных событий — рассказов, повестей об окопах и сражениях у писателя мало, многие неоконченные. Возможно, это была та боль, о которой не хотелось вспоминать, а возможно, прежде всего, писатель считал своим долгом рассказать о трагедии и героическом подвиге русского крестьянства, вынесшего все тяготы тыловой жизни и послевоенного лихолетья.

В преддверии 70-летия Великой Победы и 95-летия со дня рождения Федора Абрамова мы пригласили в редакцию доцента кафедры медицины катастроф Михаила Владимировича Попова.

Отражение
авианалета
на Ленинград,
батарея на площади
Декабристов
(Сенатской),
1941 г.

— Михаил Владимирович, Вы были знакомы с Федором Абрамовым, как Вам запомнилась первая встреча с известным писателем?

— Федор Александрович очень любил рыбачить и летом 1978 года, отдыхая в родной Верколе, с такой страстью дорвался до рыбки, что простыл и схватил воспаление легких. Местные медработники сбить высокую температуру не смогли, поэтому вертолетом санитарной авиации больного отвезли в Архангельск. По уже готовым рентгеновским снимкам лечащему врачу потребовалась консультация, и он пригласил меня — врача-рентгенолога. Фамилию больного (она стояла под снимками) я воспринял обыденно, совершенно не связав ее со знаменитым писателем-земляком, — Абрамовых на Севере много. В одном легком выявлено затемнение, как оказалось, пневмония. Я отправился в палату посмотреть больного и только тут понял, с кем мне предстоит общаться.

В первые мгновения нашей встречи возникла безмолвная пауза. Абрамов меня изучал, а я — его. Федора Александровича выдавали глаза. Видно было, что он человек очень сложный. И еще: я буквально почувствовал, что он сразу же очень глубоко меня увидел. Как бы

всего сразу охватил, уяснил для себя и тут же «сформулировал».

Без обиняков я коротко изложил ему ситуацию, в которой он оказался, и спросил о самочувствии. «Да вроде чуть лучше стало», — ответил Абрамов.

Желание пообщаться и поговорить с ним, не только о его болезни, было у меня очень сильным. Но вокруг моего пациента лежали испанные листы, и ощущалось, что мысли писателя где-то очень далеко. Расставаясь, мы пожали друг другу руки, и только подошел я к двери, как Абрамов тут же уткнулся в свои бумаги.

— Вы увидели Абрамова уже зрелым писателем, известным человеком, а каким он был, когда началась Великая Отечественная война?

— В июне 1941 года, когда началась война, Федор был третьекурсником филологического факультета Ленинградского государственного университета. Как он сам о себе пишет: «Многие из нас, уходя на фронт, сдавали последние экзамены. Идти на фронт без хвостов — это был лозунг дня. К 22 июня я сдал три экзамена из четырех, поэтому, записавшись в народное ополчение, я пришел в общежитие и принялся за зубрежку. Идет война, над городом летают

самолеты, а я сижу и зубрю историю русского языка. А потом прямо с экзаменов, с чистым матриклом поехал в казарму».

— Абрамов потом в своих воспоминаниях писал о том, что они в то грозное военное время были очень наивными, но именно им, наивным и неопытным в военном деле студентам, пришлось принять на себя первые удары врага по Ленинграду.

несли его с поля боя. Сам писатель считал этот случай первым чудом, спасшим ему жизнь.

— Оставшись живым в «адском грохоте боя», нужно было выжить в осажденном Ленинграде, где Федор Абрамов находился в госпитале с декабря 1941 по февраль 1942 года. Ему, подлинно народному писателю, суждено было вместе с тысячами ленинградцев пережить и первые дни героической обороны города, и первую блокадную зиму, которая для многих стала последней.

— В блокадном Ленинграде Абрамову было не выжить. Тяжелейшее пулевое ранение средней трети обоих бедер, с повреждением кости и нерва. Раны не заживают. Соседи по палате мучаются от боли, а те, кто идут на поправку, — от неуголимого голода. Холодно. Сестры, сами страдающие от дистрофии, не могут поделиться с ранеными провизией — слишком мала продуктовая норма. Пытаясь спасти Федора Абрамова, паталный врач выписывает ему дополнительную порцию жидкого блокадного супа и принимает решение в числе первых отправить будущего писателя в эвакуацию. В феврале 1942 года Абрамова вместе с другими ранеными эвакуировали из Ленинграда по «Дороге жизни» через Ладожское озеро. Грузовики шли под обстрелом. Машина впереди провалилась под лед, машина, что шла сзади, тоже утонула. А та, в которой ехал Абрамов, с трудом добралась до Большой земли. И это он считал вторым чудом в своей жизни.

— После лечения в госпитале в апреле 1942 года Абрамов получил отпуск по ранению. Три месяца он провел на Пинежской земле, учительствуя в Карпогорской школе. Но на этом война для писателя не закончилась?

— Нет, не закончилась. На родине он увидел другую войну. Как он впоследствии напишет: «Время было страшное. Только что подсохшие степи юга содрогались от гула и грохота сражений — враг рвался к Волге, а тут, на моей родной Пинеге, шло свое сражение — сражение за хлеб, за жизнь. Снаряды не рвались, пули не свистели, но были «похоронки», были нужда страшная и работа. Тяжелая мужская работа в поле и на лугу. И делали эту работу полуголые бабы, старики, подростки. Много видел я в то лето людского горя и страданий. Но еще больше — мужества, выносливости и русской душевной щедрости». Воспоминания об этом времени послужили основой для его романа «Братья и сестры», а затем его продолжения — «Две зимы и три лета».

— Через много лет на вопрос, какие у него были самые радостные моменты в жизни, писатель-фронтовик ответил: «Самая большая радость в моей жизни — это то, что я прошел через войну и остался жив, а самый великий праздник — это День Победы». Как встретил Победу Федор Абрамов?

— Вернуться на фронт Федору Абрамову не позволили ранения. После отпуска он служил в Архангельске в пулеметном училище, а затем в отделе контрразведки «СМЕРШ» (смерть шпионам). День Победы он встретил в Петро-

Ф.А. Абрамов, Ленинград, 1941 г.

заводске. В личном архиве писателя уже после его смерти были найдены записи об этом великом дне: «...слышу ночью отчаянно-радостный крик: «Федька, вставай! Война окончена!» Меня словно подбросило на постели. В доме стоял невероятный переполох, сумасшедшие крики радости. По радио гремели победные марши. Итак, я заснул во время войны, а проснулся в мирное время. Из многих домов выскакивали люди, кричали: «Победа! Война окончена!» Во всех домах светились окна. Петрозаводск не спал. Сейчас на свете творятся сногшибательные вещи. Поистине каждый час нашего времени равен десятилетиям».

Потом будет все: и его первый роман, и Государственная премия СССР, и первые театральные постановки, и орден Ленина, и народное признание. А сейчас, в мае 1945-го, в минуту всеобщего ликования наш земляк пишет полные горечи строки: «Мир возвращается к миру. Четыре года наши деревни страждут по мужскому духу. Невыразима радость встречи будет, но не менее страшны и потрясающи будут плач и вой осиротевших. Жившие все эти четыре года одной надеждой встречи, они только тогда поймут постигшее их горе, только тогда дойдут до глубин России непоправимые бедствия этой войны». И потом, намного позднее: «Не написать «Братья и сестры» я просто не мог... Перед глазами стояли картины живой, реальной действительности, они давили на память, требовали слова о себе. Великий подвиг русской бабы, открывшей в 1941 году второй фронт, быть может, не менее тяжкий, чем фронт русского мужика, — как я мог забыть об этом?»

Федор Абрамов сам неоднократно обращал внимание на роли автобиографического материала в творчестве писателя, всегда неизбежного, когда все пропущено через сердце. Свое выстраданное понимание и видение народной истории и народного подвига сформировалось у него задолго до того, как он полностью посвятил себя литературе, под канонаду первых залпов вражеских орудий, в аду кровопролитного боя, в те холодные и голодные ночи и дни блокадного Ленинграда. Его книги выплывали из опыта войны и основательного знания северной деревни, став золотыми кирпичиками культурного кода русского народа.